

Укрощение строптивых: советская власть и тюменцы

4 ноября тюменцы впервые отметили новый праздник, новый настолько, что редко кто мог точно произнести его название: то ли День народного единства, то ли День единства всех народов? Одно слово – выходной. Исчез «красный день календаря», отмечавшийся почти 80 лет. Что значил он для нашего города? Как изменилась повседневная жизнь тюменцев после революции? В поисках ответов попробуем заглянуть в Тюмень 1920-х годов.

Где родилась ёлочка?

Далеко не каждый юный тюменец мог тогда ответить на этот вопрос, хотя памятный всем стишок появился ещё в 1903 году и уже два года спустя был переложен на музыку... Впрочем, обо всём по порядку.

7 ноября 1917 года (25 октября по старому стилю) произошло событие, которое и по сей день называют по-разному: кто революцией, а кто переворотом. В Тюмень советская власть пришла гораздо позднее, окончательно овладеть городом Красной армии удалось лишь 8 августа 1919 года (в память об этом дне названа одна из улиц на Городище). Новую власть интересовало абсолютно всё в жизни тюменцев: что они смотрят в кино и театре, о чём говорят в дружеской компании, как и что празднуют. Надо сказать, что досуг горожан не слишком радовал большевиков, праздники были сплошь религиозными, а развлечения слишком уж легкомысленными для граждан пролетарского государства.

Начали с праздников. Первое время советская власть не слишком настаивала на своём и даже официально объявила нерабочими днями 12 основных христианских праздников. Борьба с «религиозным дурманом» пытались путём проведения альтернативных мероприятий – «комсомольской пасхи» и такого же рождества. В эти дни тюменские комсомольцы устраивали шумные шествия с факелами, во время которых пели ёрнические частушки, задирали верующих, а порой и били окна в церквях. Однако вскоре стало ясно, что это больше похоже на групповое хулиганство и с 1923 года от шествий пришлось отказаться.

Большинство тюменцев не заметили исчезновения «кошачьих концертов», продолжая праздновать по-своему: широко и шумно. Местные чекисты писали в донесениях, что горожане не разделяют Пасху и 1 Мая и «самогон льётся рекой». Не отставало от масс и тюменское духовенство. Отмечая в 1924 году Пасху, священник Благовещенской церкви устроил дома грандиозную пьянку, которая закончилась выбрасыванием девиц из окон прямо на церковный погост.

Другое дело – законный отдых, отказываться от которого совсем не хотелось. Нередко тюменцы просто не выходили на работу в Рождество или Преображение, либо нанимали на этот день сменщика. Перелом наступил лишь в 1929 году, когда власти сломали весь календарь, введя непрерывную пятидневку: пять дней рабочих, шестой - выходной. При этом в разных организациях дни отдыха не совпадали, так что собраться вместе на праздник можно было только по команде сверху.

В это же время советская власть ополчилась на Новый год. Гонения начались с Рождества Христова, но на том дело не закончилось. Вскоре под запретом оказалась и новогодняя ёлка: её изъяли из госторговли, школ и детских садов, проводились даже проверки на квартирах – вдруг ёлка спряталась там? В дома тюменцев лесная гостья вернулась лишь в середине 1930-х годов, когда подросло первое поколение советских людей, никогда не знавших Рождества.

Пляски под гармонь

С праздниками советская власть вроде бы справилась, осталось разобраться с буднями. Вечеринки рабочей молодёжи давно вызвали подозрение у бдительных «товарищей» - не кроются ли там «контрреволюция» и «моральное разложение»? Первой жертвой идеологов стали... танцы. В 1924 году разгорелась серьёзная дискуссия на тему:

«Может ли танцевать комсомолец?». Тюменские комсомольцы решили, что не может. С тех пор членам РКСМ было запрещено танцевать самим и предписано агитировать в том же духе остальную молодёжь. В местной газете появилась заметка «Танцам капут», автор которой гневно восклицал: «К чёрту эту непродуктивную, нелепую и зачастую бессмысленную трату времени, вредную с точки зрения гигиены. Долой разлагающееся наследие буржуазной идеологии...».

Правда, со временем танцы всё же «реабилитировали» и даже стали поощрять, особенно «русские» – краковяк, кадрили, полька-тройка и т.п. А вот тустеп, танго и фокстрот долго ещё оставались забавой «фашистов», как называли в Тюмени того времени детей бывших предпринимателей и чиновников.

Не повезло и гитаре – ещё одному «буржуазному пережитку». Особенно доставалось исполнителям «жестокоего городского романса». Хиты того времени – «Кирпичики», «Шахта № 3» и «Серая кепка и красный платок» - распевал весь город. За их исполнение комсомолец мог запросто схлопотать выговор как «пропагандист гнилой идеологии», но это мало кого останавливало. Только в конце 1920-х годов властям удалось взять ситуацию под контроль, развернув кампанию под девизом «Гармонь на службу комсомола». Были даже разработаны «Заповеди гармониста»: «Гармонист – первый враг хулиганства, пьянства и дебоширства. Гармонист всегда помогает комсомолу...». Так «буржуазная» гитара была вытеснена «советской» гармонью, чтобы вернуться десятилетия спустя в облике «русского шансона».

«Рыковка» против самогона

Менее успешными были попытки властей проконтролировать другой обязательный элемент тюменского досуга – спиртное. Товарищ Ленин заявлял, что пролетариат «не нуждается в опьянении... ни половой несдержанностью, ни алкоголем». Но сам пролетариат, похоже, думал иначе. Введённый в первые годы революции сухой закон породил бурный рост самогонварения и наркомании. «Кокс», «кикер», «мел», «мура», «нюхара», «антрацит» - как только не называли кокаин любители грёз. Торговцы нередко жульничали, добавляя в порошок мел, соду или аспирин, но спрос на их товар продолжал расти.

Самогонщиков же не смогли подкосить даже отмена сухого закона и введение в 1925 году водочной госмонополии. Хотя это и породило некоторые радужные ожидания («будем жить по-старому - так скоро и дома терпимости откроют»), тюменцы не спешили в госторг. Городская беднота не могла позволить себе дорогую «рыковку», как называли в народе водку (в честь председателя правительства А.И. Рыкова). «Партиец» (так прозвали расфасовку 0,5 литра) стоил 1,85 руб. (как 5 пудов хлеба), «комсомолец» (0,25 л) и «пионер» (0,1 л) обходились дешевле, но для настоящего праздника их явно не хватало. Расчётливые тюменцы предпочитали самогон по 80 коп./ведро или брагу, крепость которой местные умельцы доводили до 25 градусов.

Прибыльным бизнесом занимались в основном жители окраин (особенно этим славилась ул. Пароходская), превратившиеся в настоящую клоаку. «На окраинах города творится нечто невообразимое. – писала газета. - Пьяные ползут как тараканы. Развилось невероятное хулиганство. Самогонка варится всюю и совершенно безнаказанно».

Репрессивные меры не давали почти никакого эффекта. На выявление подпольных винокуров были брошены все силы милиции, Тюмень оцепили постами для проверки крестьян, въезжавших в город, но... неискоренимые человеческие слабости оказались сильнее всяких идей. Поимка самогонщиков и особенно изъятие их продукции вызывали у стражей порядка весьма нездоровый энтузиазм. В итоге приходилось с грустью констатировать: «Милиционеры ловят, сами напиваются, нарсуды пьют и теряют дела, губсуд молчит». Однажды задержали уборщицу, продававшую самогон прямо в здании Ревтрибунала. А в 1922 году и вовсе дошло до скандала, когда пьяный член губисполкома застрелил военного коменданта города. Приехавшая для разбирательства комиссия во главе с Бела Куном отметила «повальное пьянство в партийной организации».

И дело тут, пожалуй, не в особой порочности тюменцев. Просто власти в очередной раз не удалось изменить свой народ, а в милицейских участках, народных судах, комиссиях, ячейках и трибуналах сидели обычные люди, которым так же хотелось танцев, музыки и... может быть даже Нового года.

Цитаты:

Под запретом оказалась новогодняя ёлка: её изъяли из госторговли, школ и детских садов, проводились даже проверки на квартирах – вдруг ёлка спряталась там?

«Гармонист – первый враг хулиганства, пьянства и дебоширства. Гармонист всегда помогает комсомолу...». Из «Заповедей гармониста».

«Партиец» (0,5 литра) стоил 1,85 руб., «комсомолец» (0,25 л) и «пионер» (0,1 л) обходились дешевле, но для настоящего праздника их явно не хватало.